

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

13 годъ
изданія.

1907

21 Октября.

№ 43.

Цѣна за 52 №№—пять руб. съ
первей епархіи; съ членовъ
причта, съ частныхъ подпис-
чиковъ, съ церковныхъ школъ
— три руб. въ годъ; цѣна одно-
го номера—28 к. (четыре поч-
товыхъ марки).

Адресъ: Владикавказъ
(Терской области) Ре-
дакція Епархіальныхъ
Вѣдомостей.

Официальная часть.

Маршрутъ

слѣдованія св. Моздокской иконы Божіей Матери изъ гор. Владикав-
каза въ г. Моздокъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1907 г.

Св. икона прибываетъ: 11-го числа, послѣ литургіи
въ ст. Архонскую; 13-го утромъ въ сел. Ардонъ; 14-го вечеромъ
въ ст. Николаевскую; 15-го вечеромъ въ ст. Змѣйскую; 17 утромъ
въ ст. Александровскую; 18 утромъ въ ст. Котляревскую; 19 ут-
ромъ въ ст. Пришибскую; 20 утромъ въ ст. Прохладную; 23 ве-
черомъ въ ст. Приближную; 24 вечеромъ въ ст. Екатериноград-
скую; 25 вечеромъ въ ст. Черноярскую; 26 вечеромъ въ ст. Но-
воосетинскую; 27 вечеромъ въ ст. Павлодольскую; 29 въ гор.
Моздокъ.

Редакторъ официальной части Священникъ В. ТОПКИНЪ.

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Что такое Церковное Обновленчество.

За послѣднее время Православной Церкви приходится считаться съ такъ называемымъ церковнымъ обновленчествомъ. Что же такое Церковное Обновленчество? Есть ли это серьезное явленіе въ жизни церкви, или просто праздная мечта дешеваго либерализма, какъ склонны думать многіе. Что церковное обновленчество заслуживаетъ серьезнаго отношенія къ себѣ со стороны Православной Церкви, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мало того, это отношеніе не должно имѣть только отрицательный характеръ. Церковное обновленіе или обновленчество въ извѣстныхъ предѣлахъ есть не только допустимое, но и вполне законное явленіе. Не даромъ въ числѣ символовъ древне-христіанской церкви мы встрѣчаемъ птицу-фениксъ, вѣчно возраждающуюся изъ своего праха. Церковь есть постоянно измѣняющаяся въ земныхъ формахъ своего бытія, но никогда не изсякающая по существу своему жизненная сила. Сила эта есть благодать, принесенная Христомъ на землю. Эта благодатная жизнь Церкви усваивается Ея членами чрезъ вѣру, которая есть „поклоненіе Отцу Небесному духомъ и истиною.“ Однако, для большинства такая высота подвига вѣры трудно достижима и они избираютъ болѣе доступный для себя путь, а именно посредство формы и обряда. Здѣсь, на этомъ пути вѣры, чисто идейныя, абсолютно нравственныя отношенія человѣческаго духа къ Богу подмѣняются отношеніями юридическаго выполненія требованій status quo для церковнаго строя жизни, который слагается, какъ изъ собственно церковно-обрядовыхъ и каноническихъ установленій, такъ изъ взаимоотношенія ихъ къ строго гражданской жизни. Само собою разумѣется, что такая форма церковной жизни лишь допускается—во вниманіе къ малымъ симъ—допускается, какъ посредствующая ступень къ дальнѣйшему религіозно-нравственному развитію до—мѣры достиженія идеала Богоуподобленія. Ясно отсюда, что никакія, даже самыя совершенныя внѣшнія формы религіозной жизни не могутъ почитаться за нѣчто неизмѣнное, непреходящее. Вотъ почему всякій разъ, когда въ жизни Церкви образуется своего рода плотина, которая стремится внѣшней формой и обрядомъ загородить свободное теченіе неизсякаемаго источника благодати и тѣмъ обратитъ „рѣки воды живой“ въ затхлый и душный для живой души прудъ, незамѣтно и неожиданно плотина просачивается, даетъ проходъ свободной, свѣжей водѣ, и никакія силы не въ состояніи задержать этой воды. Этимъ и объясняется въ существѣ дѣла

то обстоятельство, почему самая суровая мѣра борьбы съ религіозными сектами не достигаютъ своей цѣли: большинство изъ этихъ сектъ это—тѣ-же ручейки свободной церковной жизни, которые приняли кривое русло,—извращенное направленіе. только потому, что они, насильственно прорвавши плотину, не имѣли правильнаго руководства въ своемъ теченіи... Но даже и при такихъ условіяхъ они имѣютъ значеніе для жизни церкви: достаточно, если плотина прорвалась и дала доступъ свободному теченію тамъ, гдѣ возможенъ былъ застой и омертвленіе. Мы стараемся, однако, отмѣтить такія явленія въ жизни Церкви, когда она сама становилась въ положеніе свободно текущаго ручья жизни противъ заграждающихъ ему путь внѣшнобрядовыхъ наслоеній и „человѣческихъ преданій,“ которыя создавала немощная религіозная человѣческая совѣсть... Здѣсь, конечно, рѣзка благодатной жизни Церкви, освободившись отъ стѣсненій, имѣла возможность устоять на правильномъ пути.

Уже въ вѣкъ Апостольскій мы видимъ, какъ іудействующіе христіане хотѣли заковать жизнь первой христіанской общины въ узкія рамки мелочныхъ правилъ, предписаній, обрядовъ и преданій фарисейскаго законничества, настаивая на необходимости для всѣхъ христіанъ исполненія обрядоваго закона Моисея. И Церковь на Іерусалимскомъ соборѣ не усумнилась авторитетно-традиціоннымъ формамъ церковной жизни іудейства противопоставить новый духъ свободнаго ученія Христа, ибо Она знала, что въ противномъ случаѣ Христіанству предстояла опасность обратиться въ іудействующую секту. Въ этомъ историческомъ обстоятельстве жизни Церкви должно усматривать не иное что, какъ одну изъ формъ церковнаго обновленія. То же самое представляетъ изъ себя и событіе раздѣленія церквей... Пасеніе овецъ словеснаго Христова стада авторитетомъ внѣшней власти оказалось очень заманчивымъ,—болѣе заманчивымъ, чѣмъ пасеніе добрымъ примѣромъ. И если одна половина церкви—паства міряне—хотѣла стѣснить свободное теченіе Церковной жизни внѣшней формой и обрядомъ,—то другая половина Ея—іерархія хотѣла положить оковы авторитетомъ внѣшней своей власти. Дѣло не замедлило здѣсь зайти такъ далеко, что возникло стремленіе замѣнить живой христіанскій принципъ любви принципомъ безусловнаго, слѣплаго повиновенія quasi-непогрѣшиму авторитету Римскаго Первосвященника. Если бы это случилось, то вмѣсто Христіанства,—міровой религіи, мы имѣли бы дѣло съ узко—кастовой доктриной, оправдывающей только честолюбивыя притязанія іерархіи. Но этого не случилось и не могло случиться. Церковь предпочла консервативному началу папскаго авторитета протестъ во имя свободнаго развитія жизни Церкви въ духъ Христова братства и любви. Таковъ, безъ сомнѣнія, идейный смыслъ, скрывающійся за многосложностію

историческихъ событій времени раздѣленія Церквей. Если мы, далѣе, обратимся къ исторіи Церкви русской, то увидимъ тоже самое. Русскіе книжники XVII в., гордившіеся православіемъ и въ то-же время рѣшительно его не понимавшіе, хотѣли свести всю его сущность къ одному точному до единой іоты (буква і въ имени Іисусъ) выполненію требованій и правилъ церковно-богослужебныхъ книгъ. И Церковь опять въ глубинѣ своей неисчерпаемой сокровищницы жизни нашла силы для обновленія омертвѣвающей идеи православія, вступивъ на путь свободнаго отношенія къ обряду (при неизмѣнности самой сущности его православія), хотя этотъ шагъ и сопровождался печальными послѣдствіями раскола.

Такъ всегда было и будетъ, что идеальная сторона жизни церкви по временамъ вынуждается преодолевать преграду, которую ей ставить на пути немощная религіозная совѣсть въ видѣ непререкаемости внѣшней формы и обряда, и причина такого явленія лежитъ гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ: она скрывается въ самой природѣ человѣка, куда грѣхъ внесъ постоянный разладъ. Грѣхъ удалилъ человѣка отъ Бога. Богъ сталъ представляться ему далекимъ, грознымъ и гнѣвнымъ Существомъ. Чтобы приблизиться къ Нему, человѣкъ старается угодить Ему и готовъ на всякую жертву, лишь бы заслужить Его милость. Такъ возникаютъ религіозно-нравственныя обязанности человѣка съ характеромъ и значеніемъ жертвы. На высшей ступени—идеальной—религіозныя обязанности съ указаннымъ характеромъ являются выраженіемъ высшаго, совершеннѣйшаго религіознаго самосознанія: человѣкъ жертвуетъ всѣмъ для Бога, отказывается отъ всего во имя своего религіозно-нравственнаго усовершенствованія до идеала богоподобія. Но на такой религіозный подвигъ способны немногіе; о нихъ говорилъ Христосъ: «могій вмѣстити, да вмѣститъ.»

Но „не вси вмѣщаютъ“... Большинство, удерживая за своими религіозными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, жертвуютъ для Бога не всѣмъ, а лишь исполненіемъ, часто только внѣшнимъ, религіозно-обрядовыхъ установленій и правилъ, каковыя въ большинствѣ случаевъ есть просто «человѣческія преданія». Жертву для Бога такіе люди, помимо исполненія обрядовъ своей вѣры, хотятъ найти въ гоненіи и искорененіи вѣры другихъ, несогласныхъ съ ними. Такая религіозность есть самый низшій разрядъ ея: здѣсь возможны нелѣпныя суевѣрія, изувѣрство и фанатизмъ. Эту то религіозность и обличалъ Спаситель, говоря не разъ: «милости

не жертвы». Въ противоположность указанной—религіозность другого рода исходитъ изъ новозавѣтнаго, христіанскаго понятія о Богѣ, какъ Любящемъ Отцѣ. Эта религіозность оставляетъ за религіозно-нравственными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, но только въ высшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ, какъ отданіе всего себя Богу

по безграничной сыновней любви къ Нему, подобно міровой жертвѣ Христа. Но сознавая, что такая жертва возможна и въ дѣйствительности бываетъ со стороны избранниковъ духа «могущихъ вмѣстить», люди указанной религіозности хотятъ, что-бы и не могущіе вмѣстить, простые смертные имѣли здоровую вѣру, что бы они, живя въ мірѣ и для себя, располагали бы, однако, такъ свою жизнь и земную дѣятельность, что бы она была обнаруженіемъ столько же любви къ себѣ, сколько—любви къ Богу. Здѣсь, конечно, человекъ и не всѣмъ жертвуетъ для Бога, но то, что онъ жертвуетъ, есть дѣйствительная жертва, дѣйствительная цѣнность,—жертва дѣла, а не внѣшняго, формального выполнения разныхъ обрядовыхъ установленій, къ чему сводится обычная религіозность большинства, какъ мы говорили выше. Идеаль всегда останется идеаломъ, но возможны различныя ступени приближенія къ нему. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ.“

Если послѣ всего сказаннаго мы обратили вниманіе на современное обновленческое движеніе, то за вычетомъ нѣкоторыхъ наслоеній поверхностнаго либерализма, мы можемъ отгнѣнить въ немъ и серьезную идею. Мысли церковно-обновленцевъ въ существѣ своемъ сводятся къ слѣдующему: говорятъ, что господствующая церковь проповѣдуетъ исключительно аскетическій идеаль жизни, который по своей малодоступности остается безъ вліянія на обычную жизнь большинства; вслѣдствіе этого вся религіозность простыхъ смертныхъ исчерпывается исполненіемъ однихъ церковно-обрядовыхъ повинностей. Даже и церковныя таинства обратились въ такого же рода повинности, вмѣсто того, чтобы служить живой потребности души... Пастырство стало чиновничествомъ, слѣдящимъ за исполненіемъ церковно-обрядовыхъ повинностей... Вся жизнь... церкви-живого Тѣла Христа свелась къ канцелярскому дѣлопроизводству. Приобщить большинство къ религіознымъ идеаламъ жизни, сдѣлать жизнь людей религіозной съ ея обычными интересами и дѣлами, приблизить пастырство къ живой душѣ пасомыхъ, сдѣлать его вліятельнымъ въ обычной общественной жизни, сдѣлать благодатную жизнь церкви „закваской“ жизни социальной и тѣмъ содѣйствовать наступленію Царствія Божія среди людей, —такова въ существенномъ идея современнаго церковнаго обновленчества въ его лучшихъ представителяхъ. И въ такомъ видѣ обновленчество не можетъ быть врагомъ церкви и, безъ сомнѣнія, при современныхъ условіяхъ жизни церкви могло бы принести существенную пользу.

Но тутъ ставятъ возраженіе: обновленчество слишкомъ оземляетъ религію, приобщая ее къ земнымъ интересамъ. Обновленцы проповѣдуютъ о Царствѣ Божіемъ здѣсь, на землѣ и забываютъ о Царствіи Небесномъ. Однако о такихъ обновленцахъ у насъ рѣчи нѣтъ. Да кромѣ того, если

нѣкоторые изъ обновленцевъ слишкомъ подчеркиваютъ идею Царствія Божія на землѣ, то этимъ они предохраняютъ насъ отъ другой крайности—обычно ужъ слишкомъ разграничиваютъ небо отъ земли, духъ отъ матеріи, Бога отъ человѣка. Между тѣмъ не даромъ Сынъ Божій сходилъ и жилъ на землѣ... Царство Божіе нельзя сосредоточивать только на небѣ. Оно, по слову Спасителя, не приходитъ замѣтнымъ образомъ... Начинаясь «внутри насъ,» оно организуется здѣсь на землѣ и получаетъ завершение на небѣ. Истинный христіанинъ живетъ въ Царствіи Божіи уже здѣсь на землѣ. Соотвѣтственно съ этимъ наступленіе будущаго небснаго царствія не будетъ чѣмъ либо внезапнымъ... Оно совершится въ условіяхъ той же „земли“ и того же неба, только обновленныхъ. 2 Петр. III 13 ст. И человѣкъ будетъ жить въ царствіи не духомъ только, но и тѣломъ. Значить элементы Царствія Божія здѣсь на землѣ войдутъ составною частью въ Царствіе Небесное. Христіанство отнюдь не проповѣдуетъ, что міръ самъ по себѣ есть зло. Оно не проповѣдуетъ буддійской Нирваны, какъ отреченія отъ добра и зла въ мірѣ, а учитъ объ утвержденіи человѣка въ добрѣ въ условіяхъ земной жизни, дабы она была приготовленіемъ для будущей. Въ этомъ отличіе православія отъ мистическаго Востока и вмѣстѣ связь съ практическимъ Западомъ—въ этомъ его мировое значеніе. Вотъ почему какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіяхъ Апостольскихъ говорится о Царствіи Божіи безразлично какъ уже о наступившемъ, такъ и имѣющемъ еще наступить. Съ этой точки зрѣнія обвинять обновленцевъ въ противоцерковности едва ли возможно, церковность можетъ быть понимаема, съ одной стороны, какъ благодатная жизнь упованіемъ на небѣ, съ другой—какъ водвореніе благодатныхъ началъ любви христіанской здѣсь на землѣ. Между тѣмъ послѣднее пониманіе у насъ часто не признается. Пастырь, напр., выступившій, хотя нѣсколько изъ сферы однѣхъ церковно-богослужебныхъ обязанностей, непременно заподозривается въ отсутствіи пастырскаго духа. Характеренъ въ данномъ случаѣ рассказъ Потапенко—„Исполнительный Органъ“, гдѣ рассказывается о томъ, какъ одинъ изъ членовъ причта, помимо своихъ обычныхъ обязанностей чтенія и пѣнія на клиросѣ, рѣшилъ организовать общественную помощь голодающимъ.. Большинство его знакомыхъ, не зная, чѣмъ объяснить его такое необычное поведеніе, просто на просто рѣшили, что онъ „не въ своемъ умѣ.“ Вотъ до какой церковной узости можно дойти. И отъ нея то можетъ и суждено исторіей предохранить обновленчеству православіе. Во всякомъ случаѣ мы не должны игнорировать обновленческаго движенія, что бы не пропустить какого либо важнаго момента, что неоднократно случалось въ исторіи религіозной мысли. Иудеи, напр. ослѣпшіе въ своемъ обрядовомъ законничествѣ, проглядѣли мировое событіе—пришествіе Сына

Божія на землю, безъ чего вся ихъ религія, имѣвшая прообразовательное и пророческое значеніе, потеряла свой смыслъ. Далѣе, Церковь римско-католическая за авторитетомъ церковной іерархіи и обряда просмотрѣла свободное развитіе церковной жизни. Церковь Протестантская, увлекшись свободой, упустила изъ вниманія важное значеніе авторитета іерархіи и обрядовой стороны Церкви и т. д. Православію можетъ быть только теперь суждено выступить на жизненную арену. Посему и важно, что бы оно ничего не забыло и все приняло во вниманіе... Съ этой точки зрѣнія необходимо, чтобы на предстоящемъ Всероссійскомъ соборѣ было достаточное количество лицъ, какъ облеченныхъ авторитетомъ церковной традиціи, такъ и лицъ исполненныхъ благихъ пожеланій здороваго Церковнаго обновленія по духу свободы Христовой. („Рижск. Еп. вѣдом.“).

Горе пастырей.

(Къ вопросу о выборномъ началѣ)

Одинъ Владыка говорилъ:—«горе впереди насъ ожидаетъ, сопастыри мои! Сектанты разинули уже пасть свою во-всю ширь, а тамъ мужики недождутся права выбирать себѣ поповъ»...

Въ одномъ изъ періодическихъ изданій какъ-то была помѣщена маленькая замѣтка, протестующая выборное начало, въ его примѣненіи къ духовенству. Авторъ-протестантъ-выборнаго начала, приравнивая—для примѣра—это начало къ выбору прихожанами старосты церковнаго, пишетъ: „благочинный со священникомъ предложили приходу выбрать прежняго, безукоризненнаго старосту. Толпа закричала: „ни!.. хай буде гиршій, да иншій. Хай буде другій, бо це-й вже нажився“... Но вѣдь церковный староста немного смущается такимъ судомъ. „Нажився,“ не „нажився“, а у него есть домъ, хозяйство, земля и плугъ. Вышечь изъ старость и еще лучше: всецѣло онъ займется работой; есть гдѣ и голову склонить, есть чѣмъ и прокормиться. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произведутъ эти слова на батюшку. Вѣдь толпѣ легко сказать: „хай, буде другій, бо це-й вже нажився,“—а каково-то священнику?! Значить, по міру иди!.. А суда такового отъ толпы дождаться просто: не угости, не поднеси четвертой рюмки, не напой крикуна, вотъ тебѣ и скажутъ: „хай буде другій!“ Намъ реформаторы на это возразятъ, Скажутъ: надо угодить, надо сдумѣть ихъ всѣхъ умиротворить... Мы отвѣтимъ имъ:—а вы забыли про Степана, развѣ не помните Ивана? .. Соломону, Степаниду... съ которыми имѣли сами дѣло? Чтожь вы ихъ не умиротворили?! Безъ сомнѣнія, въ приходѣ каждомъ есть и Степанъ, есть и Иванъ со Степанидой, именуемые „неумиротворимыми.“ Авторъ вышенаведенной замѣтки рассказываетъ про слѣдующій случай ихъ жизни своего сосѣда батюшки. По поступленіи на при-

ходъ священникъ этотъ заявилъ себя умнымъ, энергичнымъ, пастыремъ добрымъ, душу за овцы своя полагававшимъ. Прихожане его любили, но не угодилъ онъ одному «кулаку» и что-же? Этотъ одинъ «кулакъ», благодаря тому, что у него была половина прихода кумовьевъ да сватовъ, да людей одолженныхъ, вооружилъ приходъ противъ попа и добился таки того, что батюшка тотъ счелъ за лучшее «отрясти прахъ» и уйти въ другой приходъ, ибо здѣсь его не приняли. Но какъ поняли уходъ священника прихожане? «Одынъ чоловікъ та-й выгнавъ піпа, а що-жъ бы було, якъ-бы вся громада взялась за діло!». Скажемъ огъ себя теперь: выбирать «гопівъ» громадѣ—„несуразнэ діло“—во первыхъ, а во вторыхъ: если будетъ выбирать поповъ «громада», то къ горю, пастыри, приложите еще гору бѣдъ! Добрыхъ пастырей тогда совсѣмъ не будетъ; будутъ же пастыри «наемники», покупатели поповства, въ собственномъ смыслѣ... Да и къ чему до конца издѣваться надъ духовенствомъ! Зачѣмъ—и безъ того къ великой угнетенности, обезличенности, безправности духовенства прибавлять тоже и еще въ усиленныхъ размѣрахъ?! Зачѣмъ къ одному горю ихъ стараться присоединять и другое? Неужели неизвѣстно—этимъ пекущимся о духовенствѣ—реформаторамъ, какъ живетъ нынѣ батюшкамъ? Если и теперь положеніе наше на приходѣ, что мыльный пузырь: дунула Степанида и нѣтъ попа, то что же будетъ впереди, когда всѣ эти Степаниды въ совокупности, по праву, возмутся «за діло» выдувать поповъ?

Одинъ батюшка рассказывалъ. Со школьной скамьи, я за тысячу версть уѣхалъ съ родины, на чужбинѣ счастья попытать. Не видя свободныхъ мѣстъ на родинѣ, ради засушнаго куска, я бросилъ родину, отца, брата и сестеръ; милыя поля, родное кладбище съ курганчикомъ земли, засыпавшей дорожую мать; бросилъ знаемыхъ - родныхъ; я все оставилъ, чтобы найти кусокъ и имъ дѣлиться со своимъ отцомъ—престарѣлымъ сельскимъ дьячкомъ съ семействомъ. Я поступилъ къ хохламъ учителемъ. Вначалѣ все прекрасно шло. Со свѣжей силой я занимался въ школѣ; велъ бесѣды съ мужичками, давалъ имъ добрыя совѣты, но не поладилъ съ старшиной. Ну, и пошла, конечно, гонка: „учитель нашъ дже гордый; вінъ намъ не підчиняється. Хлопци! Треба прыговоръ на учителя, щобъ его смістити вітсіль“,—такъ началъ проповѣдь свою недовольный моимъ негостепримствомъ старшина. Но не помогло тутъ старшинѣ. Совѣтъ на жалобу его не обратилъ вниманія. „Хлопци! Ще треба прыговоръ составить на учителя, бо вінъ політыческій преступникъ. Бачъ який!... Въ Царскій день утрєню проспавъ, та-й школа пропускає“... вторично проповѣдывалъ мой старшина. Составили приговоръ. Изъ восьмидесяти подданныхъ семьдесятъ пять было неграмотныхъ и за нихъ—ничего не знавшихъ—расписались. Работало пять мужиковъ. Приговоръ направили къ архіерею.

Въ это время продолжалъ разсказчикъ, я былъ уже назначенъ къ посвященію въ священники. Конечно дѣло это пріостановили. «Мы зробимъ изъ тѣбѣ попа, якъ въ солдаты не пидешь», угрожали мнѣ недовольные мужики, прослышавъ про мое назначеніе. Дознаніе... Слѣдствіе... Была большая задержка. За какіе-нибудь два-три мѣсяца я истомился, заболѣлъ. Вѣдь могло бы статься, что изъ-за пустяка погубили бы на вѣки. Но благодареніе Богу-ничего не подтвердилось, а показанія въ «пяти» архіерей не придавъ значенія. Съ радостію веліей я вышелъ отъ этой злой «громады» и поступилъ священникомъ въ казачью станицу. Здѣсь я думалъ отдыхъ обрѣсти. Я думалъ: у казаковъ нѣтъ того невѣжества, что у хохловъ. Нѣтъ. Оказалось, что «громада» одинакова вездѣ, особенно, по отношенію къ попамъ. Стояла грязная погода и дождикъ моросилъ, когда я совѣмъ еще стриженный, пріѣхалъ на приходъ. Я подѣзжалъ къ станицѣ съ мыслями: какъ, думаю, прихожане обрадуются пріѣзду моему!.. Какъ будутъ подносить мнѣ хлѣбъ-соль старики!.. Я рѣчь скажу, душевную, простую!.. Они расплачутся!.. Полюбимъ другъ друга!.. Словомъ, такъ заживемъ, какъ въ книгахъ пишется. Пріѣхалъ. Меня никто не встрѣтилъ, а тотъ, кто и прошелъ мимо меня, то искоса, изъ подлобья, посмотрѣлъ и не поклонился. По приглашенію, явился дьяконъ отпереть мою квартиру, да староста пришелъ съ такими плутоватыми глазенками!.. Ну, ничего... Началось мое служеніе возлелѣянному приходу. Служеніе было молодое, равностное, идейное, со свѣжими силами. Открылись школа, — читальня, — бібліотека!.. Словомъ, все, что нынѣ требуютъ отъ насъ. Особенное вниманіе приложилъ я къ дѣлу проповѣдыванія. Въ ревностномъ исполненіи пастырскихъ своихъ обязанностей я находилъ себѣ успокоеніе, но, кажется, эта же излишняя ревность, да излишнее довѣріе ко всѣмъ, какъ отца къ дѣтямъ, и заставили переиспытать меня великія огорченія. На первыхъ же порахъ я ввѣрилъ дьякону своему, да и какъ же иначе было поступить? Правда, дьяконъ слылъ уже въ то время за смутьяна, клеветника и доносчика, за нетрезваго, и вообще, хитраго и ненадежнаго челоуѣка, зарубившаго, какъ говорили, на носу одно: всѣми правдами — неправдами добиться поповства. Смотрю я на него и думаю: вѣдь вотъ, что значитъ клевета: изъ этого смиреннѣйшаго, вѣжливѣйшаго трезвенника (отъ меня онъ свою слабость скрывалъ), прекраснаго сослуживца, что слѣлала она — эта клевета?! Я въ немъ души не чаялъ, такъ онъ былъ внимателенъ ко мнѣ. Онъ все мнѣ разсказалъ: кто „прекраснѣйшій“ въ приходѣ, кого „оберегаться“ слѣдуетъ, какъ у нихъ поставленъ былъ приходъ, что требуется для улучшенія его и проч. И между прочимъ говорить: сектанство развито въ приходѣ, страшно, по-головно!.. Прежній батюшка ничуть не обращалъ вниманія на нихъ. Вотъ, я, на примѣръ, было взялся за

нихъ со всею ревностію и что же бы вы думали?.. Чуть-чуть,—богопротивныя созданія—не сожгли меня, честное слово! А ужъ какъ обкрадываютъ, прямо-таки каждую ночь: то огурцы вытаскать изъ погреба, то помидоры, картошку, капусту... А курей... пересталъ и водить. Ну, конечно, подумаль—подумаль, да и далъ себѣ слово не миссіонерствовать болѣе. Да, вообще, сказать къ слову, воровство въ приходѣ сильно развито и пьянство тоже... Атаманъ станицы пьяница, тайный сектантъ и ничего ровно не предпринимаетъ. Я прошу ваше высокоблагословеніе: обратите свое пастырское, отеческое—на все это вниманіе. Мое молодое самолюбіе не устояло противъ этихъ льстивыхъ словъ. Дьякона я и еще пуще полюбилъ. Хорошо... Со своими идейными взглядами, на другой же день, въ праздникъ, я начинаю проповѣдь, всего лишь вторую по пріѣздѣ. Чего ждать? Надо, думаю, работать, плевелы вырвать надо скорѣе. Братіе! Вотъ, говорю, у васъ въ приходѣ есть одинъ гибельный порокъ, это воровство. Даже священнослужителей обкрадываютъ; обкрадываютъ своихъ отцовъ—пастырей и т. д., согласно писанію, выясняю, что это грѣшно, что это гибельно для тѣла и души... Нехорошее, говорю, дѣло и пьянство; не хорошо и то, что лица, поставленныя для наблюденія за порядкомъ въ станицѣ не обращаютъ должнаго вниманія на то-то и на то-то... Черезъ два-три дня слышу слухи про себя: „изъ молодыхъ да раній попъ-то нашъ. На-кось сразу насъ ворами огорошилъ, чего съ роду не слыхали отъ прежнихъ батюшекъ, да и то, говорить, у васъ не такъ и это не такъ“.. А дьякъ мой слушаетъ,, довольный, видимо, началомъ. Онъ приготовилъ уже для меня тему и къ будущему воскресенію: вотъ на это, говорить, обратите свое отеческое вниманіе. Скажите, говорить, народъ о томъ-то, да такъ это, чтобы „со властію“ пастыря вышло, какъ въ прошлый разъ. Вы чудно проповѣди говорите; такъ это, какъ то хорошо у васъ выходитъ и рѣзко и мягко,—я не слыхалъ еще подобныхъ проповѣдниковъ.—Себѣ думаю; ладно. Въ слѣдующее воскресеніе опять: бух! Братіе, говорю. Это должно быть не такъ, а вотъ такъ, какъ сказано въ писаніи-то. Послушайте, говорю, меня и не творите зла... Слышу про себя: опять въ народѣ говорятъ. А дьяконъ продолжаетъ: слухи эти распространяють сторожа. Это первые негодяи въ приходѣ. Ихъ давно слѣдовало бы прогнать.—Хорошо, говорю. Вызываю сторожей; дѣлаю внушеніе, потомъ предупрежденіе. Ропотъ возрастаетъ... Батюшка, тутъ еще и староста вмѣшивается, надо бы и ему внушить. Онъ очень ненадежный. Я прекрасно знаю, какъ однажды староста васъ осуждалъ передъ народомъ:—попъ сердитый, говорить, да по додгу спить... Вдругъ,—это было въ третье воскресеніе по пріѣздѣ, я еще лежалъ въ постели,—слышу благовѣсть, а потомъ и звонъ. А дьяконъ: вотъ видите? Я говорилъ про

старосту. Это онъ распорядился звонъ произвести, „Попъ скорѣе встанетъ,“ говоритъ. Правда, тутъ я напустился и на старосту, поругалъ его; но оказалось, что не староста въ томъ виноватъ, а мой же доброжелатель—дьяконъ. Доброжелатель же все продолжалъ: за крестины, говоритъ, давали раньше по рублю, а теперь полтинникъ; раньше платки давали, а нынѣ—нѣтъ; это все бабки поуставляли законы, зная, что вы новичекъ и что прежнее вамъ неизвѣстно. Я знаю, напримѣръ, что платки бабки въ свою пользу скрываютъ. Я къ бабкамъ съ наставленіемъ: обманывать, говорю, не хорошо, стыдно да и грѣшно.. А ротозей все растеть, какъ сѣна возъ. —, Что это такое? Виданное-ли дѣло! Все по новому пошло“.. Вдругъ бумага—Его Преосвященству отъ прихожанъ, но подписей нѣтъ. Пишуть тамъ, что я и въ Бога не вѣрую, что я и ворами всѣхъ въ церкви обзываю, что я и за крестины вдвое вымогаю, и бабокъ ругаю, и сторожей разгоняю и старосту обличаю и т. д. и т. д., а въ концѣ: вотъ истинно быть-бы пастыремъ у насъ нашему отцу дьякону. Онъ, когда не было у насъ священника, Божіи слова проповѣдывалъ и прочее намъ добро творилъ. Въ заключеніе просятъ неизвѣстные прихожане—діакона попомъ поставить, а меня удалить....

Эге-ге!.. Думаю: я въ просакъ попалъ... Теперь ясно: доброжелатель то мой въ попы лѣзеть, а меня хочеть въ дьяки загнать! Та-а-акъ,—себѣ въ умѣ я протянулъ. Вижу дѣло не ладное. Сзываю стариковъ. За что напасть такая на меня, обращаюсь къ старикамъ.

— Что? что? Что-такое, батюшка. Мы ничего не знаемъ!

Я имъ показываю и читаю бумагу. Ваша? спрашиваю.

— А подписи чьи?—Отвѣчаютъ мнѣ старики.

— Подписей, говорю, нѣтъ!

— Ну такъ, говорятъ, и бумага не наша... Писали ее—бумагу эту—скорѣе „ваши“, а не наши. Мы вѣдь знаемъ все, какъ васъ дьяконъ со-старостой хотять въ петлю сунуть. Знаемъ и жалѣемъ, что вы слушаете ихъ; вы еще такъ молоды и неопытны. Не слушайте ихъ. Они васъ научають дѣлать то, чего не было до васъ. Они же народъ противъ васъ настроили.. Вы для насъ хороши, только не слушайтесь наушниковъ. А про дьякона мы знаемъ, какъ онъ Божіи-то слова проповѣдывалъ подъ винной бочкой. Не наше дѣло, батюшка, выбирать себѣ поповъ, а если хвалится въ прошеніи діаконъ, то это самъ же онъ и писалъ и хвалилъ себя... Если начальство діакона попомъ поставить, пусть будетъ такъ, но сами мы просить за него никогда не думали, а вы—батюшка—его берегитесь.

Послѣ этихъ заявленій, я переродился, просвѣтлѣлъ и все узналъ. Но сослуживецъ мой прекрасный на этомъ дѣло не окончилъ и съ но-

су своего не стеръ зарубки: быть попомъ. Онъ пустиль въ ходъ сплаваніе крикуновъ. Прошло, примѣрно, недѣли три и... о, ужась, опять бумага! Жалуется староста, что-де священникъ взялъ церковныя деньги и не отдаетъ. Мало этого: я не зналъ, что съ дьякономъ мельникъ дружил. Мельникъ былъ большой плутяга. Однажды я сдѣлалъ ему какое-то замѣчаніе, самое пустяшное, и то на единѣ... Получаю третій доносъ. Пишетъ мельникъ архіерею, что-де попъ его отъ церкви отлучилъ: Предъ хожденіемъ съ молитвой по приходу, (это было передъ Пасхой) въ проповѣди я сказалъ народу, что зарѣзанное къ Пасхѣ мясо слѣдуетъ освящать молитвою. Въ отвѣтъ была четвертая бумага: акіе-то „пріѣзжіе“ написали архіерею, что попъ ко времени великопостной молитвы приказалъ народу приготовить для него по два куска мяса и свиного сала, два хлѣба и полтинникъ денегъ, а въ одномъ домѣ, писали далѣе „пріѣзжіе“, когда хозяйка отказала въ двухъ кускахъ мяса, то попъ силою у нея отнял ихъ. Въ другой разъ—въ Крешеніе—я объявилъ въ поученіи, что во время крестнаго хода на воду христіане ходятъ, какъ уставъ велитъ, съ возженными свѣчами. Пишутъ: попъ не великъ ходить въ церковь безъ свѣчей и денегъ и что тѣ деньги, что въ кошелекъ собираетъ староста, попъ приказалъ, чтобъ староста ему ихъ отдавалъ, какъ бы за служеніе обѣдни... Жила у меня прислуга, подружившая съ однимъ „гражданиномъ“, а этотъ гражданинъ дружилъ съ дьякономъ. И что-же? какъ ни ночь—прислуги нѣту дома. Оставитъ дверь раскрытою и уйдетъ къ гражданину. Расчиталъ я ее сполна,—дальше, думаю, отъ грѣха. Нѣтъ, вѣдь, грѣхъ самъ на плечи лѣзеть. Получаю бумагу. Пишетъ гражданинъ, что я его невѣсту прогналъ, въ шею вытолкалъ, не заплатилъ ей и денегъ. На бумагѣ надпись: „помирить священника съ прислугой (sic?) взявъ съ перваго подписку въ томъ“. (Вотъ положеніе-то мое было глупое!.)

— Ну, хорошо. Далѣе.

Какъ то разъ дамы станичныя, въ родѣ мельничихи и діаконицы вздумали устроить регулярныя гулянія по вечерамъ въ оградѣ, конечно, съ гикомъ, смѣхомъ, крикомъ. Я запретилъ. Пишутъ эти дамы: попъ насъ перекинулъ черезъ ограду. Наединѣ, когда-то обличилъ я блудодѣйца, жившаго къ тому открыто, на соблазнъ. Жалоба: попа не надо этого, пусть будетъ дьяконъ нашимъ попомъ... Дьяконъ, кстати, былъ тоже ухажоръ... Въ церкви надо было поновить иконостасъ и произвести внутри покраску. Говорю поученіе, приглашаю къ добровольнымъ пожертвованіямъ. Слышу ропотъ: нельзя ходить въ церковь, попъ выпрашиваетъ деньги, Приглашаю пожертвовать на Красный Крестъ—стали говорить: вишь! попу все мало. Приглашаютъ пообѣдать послѣ похоронъ; на столѣ выпивка. Я отказываюсь, говорю: еще очень рано, братцы, обѣдать, кушайте сами, а

меня освободите. Говорятъ: вишь! какой гордецъ, никогда попь не присядеть. Въ Пасху, разъ, остановился. Посидѣлъ съ полчаса. Заговорили: вишь! Не дождешься попа, сидить и сидить. Ему тамъ хорошо и цѣть и ѣсть, а мы голодные тутъ жди его съ иконами. Родился въ полночь недоносокъ. Является сторожъ. Докладываетъ, что младенець умираеть, просятъ придти и окрестить. Словомъ перепуталь все: ребенокъ былъ ужъ принесень. Говорю: разъ умираеть, пусть скорѣе бабка въ воду погрузить. Такъ было сдѣлано и младенець умеръ. Жалоба, что все то случилось по винѣ священника. Дознаніе черезъ одного, дознаніе черезъ другого, дознаніе черезъ третьяго. Потомъ слѣдствіе одно, переслѣдствіе. Разсмотрѣть всего дѣла вновь при одномъ архіереѣ, пересмотрѣть при другомъ уже цѣлою комиссіей. Ничего не подтвердилось: судомъ я былъ оправданъ, но тѣмъ не менѣе получилъ бумаженку: послать такого-то раба Божія въ монастырь срокомъ на мѣсяць для примѣра, и другимъ въ поученіе?! Та-а-акъ, думаю себѣ... Ну, а собственно, за что же? Да, для примѣра и только!.. Конечно при финансовой обезпеченности, отчего бы другой разъ и непрокатиться въ это тихое пристанище, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій. Но въ томъ-то и дѣло, что вѣдь на поѣздку, нерѣдко на перекладныхъ, потребна сумма, а гдѣ она у насъ—особенно въ лѣтнюю пору. Развѣ у старосты занять? Но вы видѣли его—старосту-то этого! Обратиться къ сосѣду? Конечно, можно, но вѣдь—думаете разъ я іерей, то и стыда у меня не должно быть! Хоть распродавай столы и скамейки!.. А тутъ еще семейство: матушка больная, лежитъ; дѣти, начиная съ трехмѣсячнаго и кончая нѣсколькими годиками; прислуги не найдешь—всѣ на работѣ. Что тутъ дѣлать? Помолиться?—Да что... не идетъ все то на умъ... Чувства какъ-то притупились. Правда, другой разъ отчего-то горло сдавится, капнетъ слезинка, да на душѣ прежняя же тягость, ничуть не полегчаетъ. Такъ что-же предпринять: бросить службу?—Можно, а потомъ куда? Продолжать крестъ нести? Но если только за два года службы не было въ жизни твоей спокойнаго дня, то что же дальше? Вѣдь не хватитъ силъ перенести одно и тоже каждый день и каждый часъ. Развѣ прахъ отрясти и уйти въ другой приходъ? Но вѣдь вездѣ найдутся діаконы, поповства жаждущіе, и „почетные граждане,“ ничего кромѣ кляузъ не дѣлающіе и нервныя мельничихи, по оградамъ, ночью, шатающіяся. Не найдется Степаниды,—на смѣну „Ваше-скородіе“ какое ниб. отставное. Этому „Ваше-скородію“ тоже дѣлать нечего, какъ кляузами заниматься, да лѣзть въ чужое дѣло. Обыкновенно это „Ваше-скородіе“ стремится все предсѣдательскія трибуны въ приходѣ занять. „Ваше-скородіе“—предсѣдатель попечительства, предсѣдатель комитета, „Ваше-скородіе“ и къ провѣркѣ суммъ церковныхъ присагавлень, и въ приходскомъ совѣтѣ, онъ же и за

попами наблюдаетъ, онъ же и приходъ противъ попа вооружаетъ, онъ же и доносами занимается, онъ же насквильныя рѣчи говоритъ противъ поповъ, онъ же и приговора противъ всѣхъ составляетъ. Словомъ, въ этомъ родѣ „Ваше-скородис“ цѣлый акаѳистъ, или вѣрнѣе—оду составить можно. Попробуйте-ка вы теперь сему „Ваше-скородию“ поперечить. Да онъ васъ „загонитъ“, куда Макаръ гоняетъ скотину, какъ обыкновенно выражаются эти „Ваше-скородиѣ“ когда они задѣваются кѣмъ-либо. Да... И все это теперь, при наилучшихъ условіяхъ, а что будетъ при выборномъ началѣ, когда „по праву“ мы должны будемъ угождать не только „почетному гражданину“ или „его Высо-кородию“ отставному, но и стояру и маляру, и мельничихѣ той самой и даже бабѣ простой. Тутъ „одынь“ чоловікъ та-й вкатывъ попа въ монастырь,“ а что будетъ,—отцы,—когда вся эта невѣжественная „громада“ возьмется за это дѣло, да еще „по праву!“ Кого свѣтъ-радость ожидаетъ впереди, а насъ отцовъ все тоже горемычно горе.

На этомъ покончили батюшка разсказъ, присовокупивъ: да, дьяконъ тотъ, безъ сомнѣнія, благодаря тому, что зналъ онъ хорошо науку „придошества“, попалъ бы въ попы, если бы самъ не провинился передъ обществомъ, передъ этой „громадой“. Послѣ одного изъ проступковъ его удалили. На прощаньѣ я ему сказалъ: не рой ямы другому... Послѣ ухода этого кандидата на священство, думавшаго купить „санъ“ негодными средствами, всѣ присмирѣли: и гражданинъ бомягче сталъ, а въслѣдствіи просилъ прощенія, заявивъ, что это дѣлалъ онъ по наущенію, прекратились и ропоты, только мельничиха не смирялась, но на нее никто не обращалъ вниманія“.

По приходамъ епархіи.

(отъ собственныхъ корреспондентовъ).

— *Стан. Новопавловская (Грушиное паломничество).* 1 октября с. г. послѣ заутрени въ храмѣ мною были отслужены напутственный молебенъ группѣ (40 ч.) прихожанъ, оправляющихся въ г. Кіевъ на поклоненіе святынямъ. Такое групповое паломничество въ наше время, когда религіозность народа, подъ вліяніемъ разныхъ движеній, замѣтно понижается, не можетъ не радовать своего пастыря. Большинство паломниковъ люди съ болѣе чѣмъ скромными матеріальными средствами, приносятъ свои трудовыя копѣйки на удовлетвореніе глубокой религіозной потребности. Единичное паломничество замѣчалось въ жизни станичниковъ и раньше, но совмѣстное въ такомъ количествѣ не было никогда. Паломниками нанята отдѣльный вагонъ для слѣдованія туда и обратно. Не буду распространяться насколько благотворно такое массовое совершеніе путешествія да еще по святымъ мѣстамъ. Оно еще болѣе духовно сродняетъ и скрѣп-

ляетъ людей разнохарактерныхъ, сливая ихъ въ одну семью, живущую продолжительное время въ сферѣ высокихъ духовныхъ интересовъ..

Жаль, что по линиямъ ж. д. для проѣзда такихъ группъ нѣтъ никакихъ льготъ. Было-бы вполне справедливо понизить тарифъ для групповыхъ паломничествъ, понижая тарифъ для разныхъ ученическихъ экскурсій съ образовательною цѣлью. Если идти навстрѣчу запросамъ ума, то также не слѣдовало бы, отъ кого то зависить, и забывать запросы души вѣрующаго простодушина. Свящ. Булгаковъ.

Епархіальные отголоски.

— О „новинѣ“. Въ нашей епархіи станичное и сельское духовенство обезпечивается „новиной“ не одинаково. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по приговору общества, приходскому духовенству отпускается определенное количество зернового хлѣба отъ всего поселенія; духовенство само „новины“ не собираетъ; ему доставляется „обществами“ новина, такъ сказать, готовой; когда „новины“ натурой дать нельзя, то платится деньгами, по рыночной стоимости. Такъ, или иначе, но „новина“ получается. Въ другихъ мѣстахъ „новину“ собираетъ само приходское духовенство, обходя дома прихожанъ и получая, въ награду за трудъ хожденія, еще многое другое, кромѣ зернового хлѣба..

Согласно существующаго разъясненія, вознагражденіе „новиной“ дается, какъ результатъ приходской дѣятельности причта во весь сельскохозяйственный годъ сельскаго хозяина. Сентябрь, Октябрь мѣсяцы, время сбора „новины“: сами по себѣ, никакой „новины“ дать не могутъ, если-бы для озимаго хлѣба не существовалъ рядъ мѣсяцевъ съ осени предшествовавшаго года, съ суммою тепла и наличностію другихъ условий, благоприятныхъ вегетаціи даннаго сорта хлѣба. А яровой хлѣбъ, при такихъ-же условіяхъ, не зависѣлъ отъ ряда мѣсяцевъ, съ начала весны. Такимъ образомъ, хотя полученіе „новины“ приурочивается къ определеннымъ осеннимъ мѣсяцамъ, самая „новина“ есть одинъ изъ видовъ обезпеченія за цѣлый годъ; а слѣдовательно, цѣнность „новины“ представляетъ собой простой итогъ изъ двѣнадцати равноцѣнныхъ слагаемыхъ, т. е. въ сущности, каждый мѣсяць года одинаково заинтересованъ въ своей долѣ, кроющейся въ цѣнности „новины“. Настоящее соображеніе раздѣляетъ и „народная мудрость“, разъ ей приходится „умомъ раскинуть“, рѣшать вопросъ на безобидныхъ началахъ. А подобная услуга „нашихъ сѣрыхъ Соломоновъ“ всегда на лицо, когда въ приходахъ, съ „новиной“, по приговору общества, среди сельскохозяйственнаго года происходитъ перемѣна въ личномъ составѣ членовъ причтовъ. Общества оплачиваютъ за „новину“ уходящему члену, по расчету, за прожитые мѣсяца, не больше; а вновь поступающему члену причта даетъ право получать цѣнность

„новины“; по расчету, за остальные мѣсяцы до дня полученія „новинъ“ или цѣнности ея. Противъ такого порядка высшихъ основъ справедливости никто спорить не можетъ. Слѣдуетъ желать, чтобы подобныя начала справедливости соблюдались и тамъ, гдѣ нѣтъ необходимости пользоваться услугами „народной мудрости“. А подобное тоже наблюдается въ этой епархіи и въ тѣхъ именно приходахъ, гдѣ „новину“ собираетъ по дворахъ самъ причтъ; а члены причта служатъ не весь сельскохозяйственный годъ; а попадаютъ подъ конецъ его, за нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. когда оставившій приходъ членъ причта о „новинѣ“ не могъ думать, хлѣбъ былъ на корню, или не убранъ только; а „новичекъ“ во время „на сливанье медъ пьеть“. Здравая логика говорить, что „новичекъ“ не имѣетъ права брать въ свою пользу всю „новину“; а долженъ раздѣлить ее со своимъ предшественникомъ, по расчету за прожитые мѣсяцы, вычтя стоимость подводъ, если она платная. Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ услугъ народной мудрости не требуется; а счета замѣстителя со своимъ предшественникомъ ведутся непосредственно, то крайне интересно было-бы знать, какъ, напр., въ натурѣ разрѣшается подобное недоразумѣніе.

— *Объ иконахъ въ храмахъ и приходахъ.* Мало имѣется приходскихъ храмовъ въ нашей епархіи, гдѣ можно-бы встрѣтить иконы правильнаго письма. Еще болѣе ужасна картина аляповатыхъ иконъ по домамъ прихожанъ изъ простонародія. Храмы и дома обывателей постоянно пополняются новыми экземплярами иконъ такого-же достоинства. Въ то время какъ высшее духовное начальство усиленно заботится объ упрядоченіи этого вопіющаго зла, на мѣстѣ дѣло не идетъ далѣе благихъ пожеланій; а „Владимирскіе богомазы“ по прежнему сбываютъ народу „свой товарецъ“, покупаемый за неимѣніемъ лучшаго. И выходить, что затронутый вопросъ, во мнѣніи консерваторовъ, является настолько маловажнымъ, что ради него не предпринимается никакого поступательнаго шага. Если мѣстное Михаило Архангельское Братство помочь не можетъ, то не своевременно-ли воспользоваться услугами подходящаго частнаго капиталиста!? Свѣтъ клиномъ не сошелся.

— *О расходахъ о. о. духовниковъ благочинія.* Въ возмѣщеніе путевыхъ расходовъ о. о. духовниковъ благочинія, при поѣздкѣ с. духовника о благочинію, ему выдается вознагражденіе изъ „братскихъ средствъ“ причта и, при этомъ, такъ какъ дѣйствительныхъ путевыхъ расходовъ о. духовника никто изъ причтовъ не знаетъ, ибо счетъ расходовъ не предъявляется и расходы дѣлаются достояніемъ тайныхъ личныхъ канцелярій о. о. духовниковъ, — вытребованныя отъ причтовъ деньги для расходовъ о. о. духовниковъ, въ сущности, являются простыми авансами изъ кошелековъ причтовъ. Должность о. духовника-почетная, безплатная; расходы должны

быть покрыты только дѣйствительные и они, въ сущности, не велики, ибо у о. духовника вездѣ находится бесплатный столъ и помѣщеніе у членовъ причтовъ; штатна одна подвода...

Отпущая грѣха другимъ, о. духовники не должны бы искусственно создавать свои, профессиональные... Они должны давать подробный отчетъ духовенству въ авансахъ, по собственному побужденію; послѣ чего горизонтъ былъ-бы яснѣе...

Отголоски жизни и литературы.

— *«Время—большое,—люди малы»*. Дѣйствительно, времена стали великія, а люди имъ на встрѣчу выходятъ маленькіе. Особенно—тѣ, отъ которыхъ общество, человечество въ правѣ ждать лозунга, программы, образа для самоопредѣленія. Вся Европа кипитъ какъ котель; въ Азіи нарастаютъ невиданныя доселѣ могущества, въ трехъ частяхъ свѣта исламъ полуоткрылъ сонныя очи, и ихъ заревой взглядъ краснымъ блескомъ облилъ безграничныя дали. Куда ни посмотришь,—вездѣ подымается неожиданное, обрѣтаетъ даръ вѣщаго слова негаданное. („Русск. Слово“).

— *Русская «свобода»*. «Кіевлянинъ» приводитъ любопытный отзывъ одного нѣмца о нашихъ порядкахъ. «Нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ міра нѣтъ такой свободы, какъ у васъ, въ Россіи!.. Въ Германіи каждый гражданинъ свободенъ лишь въ кругу его собственныхъ правъ и лишь постольку, поскольку осуществляемая имъ „свобода“ не затрагиваетъ свободы другихъ гражданъ. Поэтому рядомъ съ свободами тамъ идутъ обязанности, и трудно сказать, чего тамъ больше—свободы или обязанностей. И такъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ. У васъ же дѣлается чортъ знаетъ что. Ни малѣйшаго уваженія къ человѣческой личности со стороны тѣхъ, которые кричатъ о свободахъ, полное попираніе всякихъ свободъ, вездѣ чисто—анархическія замашки. Ваши „освободители“ подъ свободой понимаютъ право попирать свободу и всѣ права другихъ. И этотъ деспотизмъ, эти анархическія замашки характеризуютъ всю русскую жизнь, проявляясь даже въ мелочахъ. Посмотрите вы на толпу на улицѣ, въ трамваѣ, въ ресторанѣ, вездѣ анархическая некультурность: каждый думаетъ, что все существуетъ только для него одного, и совершенно забываетъ о другихъ. Въ трамваѣ курятъ и плюютъ, а когда вы сдѣлаете замѣчаніе, васъ обругаютъ, еще болѣе обругаютъ за замѣчаніе кондуктора. А въ Германіи такъ: закурилъ папиросу въ трамваѣ, и полицейскій чиновникъ налагаетъ на васъ штрафъ, пошелъ не по той сторонѣ тротуара—штрафъ. И никто и не подумаетъ протестовать или возражать. Словомъ, въ культурныхъ государствахъ свобода принадлежитъ всѣмъ гражданамъ въ рав-

ной степени, и потому свобода каждого гражданина въ отдѣльности ограничена, дабы онъ не ограничивалъ свободы другихъ гражданъ. Въ этомъ отношеніи на каждого гражданина тамъ надѣтъ хомуть дисциплины, привычекъ, вѣдннй закона и власти. Повторяю, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой свободы, какъ въ Россіи“. Да ужъ такъ „свободно“, что мирный гражданинъ хоть въ петлю полѣзай отъ „освободителей.“

— „Вѣковѣчная“ *иконопись*. На долю православнаго иконописанія выпали счастливыя техническія данныя, какими полностью не обладала религіозная живопись Запада. Если припомнить пріемъ, такъ называемаго, яичнаго иконнаго письма, то станетъ очевидною незыблемая прочность и долговѣчность этого рода своеобразной живописи, которая лишь потому зачастую доходитъ до нашихъ дней въ грубо-испорченномъ видѣ, что ее не умѣютъ беречь, варварски протирая иконы деревяннымъ масломъ, сдирая слой этой костеобразной по твердости краски, всевозможными, крайне невѣжественными пріемами. Между тѣмъ только единственный родъ живописи—восковой (энкаустика) можетъ сравняться съ долговѣчностью яичныхъ красокъ. Но энкаустика, несмотря на свои высокія свойства, превышающія другіе типы художественной техники, утратила незаслуженно права гражданства. Къ сожалѣнію, ни тотъ ни другой вѣчный пріемъ православной религіозной иконописи не привился къ стѣнописи (хотя они оба способны къ тому) и для росписи стѣнъ въ церквахъ издревле остановились на фрескѣ по сырой и сухой штукатуркѣ и на вѣковѣчной, абсолютно нерушимой мозаикѣ. Фреска зачастую была въ прямой зависимости, по своей долговѣчности, отъ прочности стѣнъ и грязнилась отъ чада свѣчъ и лампаднаго масла. Иное дѣло стеклянная мозаика, которая можетъ быть переносима на новую стѣну безъ ущерба, если бы первоначальная ея основа—стѣна, получила какое либо поврежденіе. Вотъ причина, почему выборъ, для воспроизведенія священныхъ изображеній въ новомъ столичномъ храмѣ Воскресенія мозаикою былъ наилучшимъ выходомъ изъ боязни бренности сооруженія, при созданіи памятника незабвенному Царю Мученику.

Нельзя не остановиться на этой замѣчательной особенноти храма Воскресенія, гдѣ абсолютно всѣ священныя изображенія воспроизведены нетлѣннымъ матеріаломъ на монолитной основѣ. Если припомнить при этомъ, сколькихъ денегъ стоило православнымъ храмамъ переписка и обновленіе фресокъ за вѣковое существованіе церквей, если припомнить гибель въ московскомъ храмѣ Спасителя за ничтожный періодъ времени его картинъ, исполненныхъ масляными красками, то станетъ очевиднымъ, что даже сравнительно небольшія затраты, при примѣненномъ въ храмѣ Воскресенія пріемѣ мозаики, съ лихвой окупятся на протяженіи

времени существованія и не очень древнихъ нашихъ церковныхъ сооружений. Что касается до использования удешевленнаго и упрощеннаго типа мозаики, то именно храмъ Воскресенія впервые въ Россіи примѣнили этотъ приемъ, какъ абсолютно отвѣчающій и характеру стѣнной церковной росписи и доступности. Для яснаго представленія объ этомъ приемѣ, напомнимъ, что древній «римскій» мозаичный способъ воспроизведенія основанъ на томъ, что изъ мелкихъ, разнаго подходящаго (дѣлаемаго по произволу) размѣра разноцвѣтныхъ стеклянныхъ кусочковъ складываютъ требуемое изображеніе, вдавливая эти кусочки въ мастику. Послѣ такого набора, когда изображеніе получилось, мастика извлекается и ея мѣсто замѣщаютъ цементомъ. Въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка мозаичисты Giovanni Moro и Cazetti впервые примѣнили упрощенный ими мозаическій приемъ набора кусочковъ цвѣтного стекла, при реставраціи нѣкоторыхъ мозаикъ св. Марка въ Венеціи. Для этого приема съ оригинальной картины прорисовываютъ контуры оригинала на прозрачную бумагу или провощеную матерію, положенныя плотно на картину. На такой рисунокъ, перевернутый на другую сторону, приклеиваютъ, смотря по оригиналамъ, разноцвѣтные кусочки смальты, которые, по окончаніи набора, заливаютъ цементомъ и, отмочивъ первоначальный прозрачный рисунокъ, получаютъ готовую мозаику. Способъ этотъ имѣетъ тысячи преимуществъ передъ римскимъ приемомъ и неизмѣримо его дешевле. Этотъ способъ Moro и Gazetti былъ занесенъ въ Россію для церковнаго строительства Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Великій Князь, видя непомѣрно крупныя мозаики Исаакіевскаго собора и будучи хорошо знакомъ съ постановкою мозаичнаго дѣла на Западѣ, высказалъ мысль о необходимости ввести въ Россію удешевленный и упрощенный типъ мозаичнаго производства. По его иниціативѣ, конференцъ-секретарь Императорской Академіи Художествъ обратился къ инженеръ-технологу С. П. Пѣтухову за разрѣшеніемъ вопроса объ удешевленной декоративной мозаикѣ. Отсюда вытекла командировка Академію Художествъ С. П. Пѣтухова (бывшаго десятки лѣтъ изготовителемъ цвѣтного стекла для мозаикъ Исаакіевскаго собора на стеклянномъ Императорскомъ заводѣ) за границу для детальнаго и ближайшаго ознакомленія съ постановкою въ Италіи и Франціи этого удешевленнаго декоративнаго производства. Въ 1889 г. С. П. Пѣтуховъ, въ званіи инспектора, сопровождалъ для этой же цѣли 3-хъ учениковъ Академіи Художествъ и, осматрѣвъ все, что было необходимо, работалъ съ учениками въ мастерскихъ: Сальвиати (Венеція), Морелли (Миланъ) и Гильберъ-Мартень (Парижъ). Наибольшіе успѣхи изъ числа трехъ питомцевъ Академіи Художествъ оказалъ архитекторъ Д. А. Фроловъ. По возвращеніи изъ-за границы, С. П. Пѣтуховъ устроилъ, вмѣстѣ съ

А. А. Фроловымъ, мастерскую декоративной мозаики при мозаичномъ отдѣленіи Академіи. Но прививка новаго пріема мозаики въ отдѣленіи Академіи не состоялась и А. А. Фроловъ открылъ самостоятельную мастерскую. Благодаря постройкѣ храма Воскресенія, энергіи А. А. Фролова и просвѣщенному вниманію строителя храма профессора А. А. Парланда, Высочайше учрежденный комитетъ по этой постройкѣ поручилъ А. А. Фролову изготовленіе 3.700,000 кв. вершковъ декоративной и мелкой мозаики для этой постройки. Число это со временемъ значительно возросло превысило 4 милліона. Съ момента передачи этого заказа талантливому А. А. Фролову дѣло упрощенной и удешевленной мозаики стало прочно, По преждевременной кончинѣ А. А. Фролова, подрядъ продолжалъ его братъ В. А. Фроловъ и нынѣ довелъ его до полного окончанія, развивая далѣе мозаичное дѣло. Для стѣнной росписи храма Воскресенія потребовался и нѣсколько своеобразный типъ упрощеннаго исполненія оригинальныхъ священныхъ изображеній. Памятуя, что древне-русскія фрески имѣютъ тоже совершенно своеобразную техническо-декоративную особенность, но не желая идти по слишкомъ узкому шаблону древней стѣнописи, крайне условной, остановился на способѣ сведенія изображенія къ тремъ, четыремъ тонамъ. Напримѣръ, изображеніе головы и рукъ сводилось въ этомъ декоративномъ приѣмѣ (болѣе детальномъ, чѣмъ древне-русская фреска) къ облику, полутону, тону, и тѣни контуру. При этомъ, такимъ образомъ писался и картонъ для будущей мозаики, чтобы выше помянутые четыре тона не были ступенчаты между собою, а клались съ опредѣленными очертаніями. Такая манера, выработанная первыми художниками, приглашенными къ работамъ въ храмѣ профессоромъ Парландомъ, давала полное впечатлѣніе фресочнаго пріема, по смыслу росписи отнюдь не стремившагося сдѣлать реальное изображеніе. Этотъ приѣмъ еще болѣе упрощалъ работу по мозаичному набору, что и дало со способомъ Moro и Gazzetti возможность создать храмъ съ такимъ огромнымъ количествомъ мозаики, превышающимъ, по числу квадратнаго измѣренія, всякое наиболѣе богатое мозаикою сооруженіе на всемъ земномъ шарѣ. Первоначально дѣлались картонны красками въ настоящіе размѣры, но дѣлались картонны и просто контурные, при наличности цвѣтнаго эскиза. Не всѣ авторы стѣнныхъ работъ въ храмѣ достигали совершенства въ такомъ упрощенномъ типѣ техники, требовавшемъ большого вниманія и мастерства.

Затронувъ въ настоящемъ очеркѣ идейно-художественную и техническо-мозаичную стороны работъ въ храмѣ Воскресенія, необходимо указать на надальтарную главку храма, исполненную, тоже впервые, — мозаикою. Золотая мозаика представляетъ собою кусочки листового чистаго золота, впаянные между двумя слоями стекла. Цвѣтное золото мозаики въ

различныхъ мѣстахъ храма получило оттѣнки отъ окраски верхняго слоя стекла, покрывающаго золотую пленку. Несомнѣнно, что и мозаичная золотая главка храма вѣковѣчна, сравнительно съ позолотой мѣдныхъ листовъ, не дорога и безусловно прекрасна. (Саратовск. духов. вѣстникъ).

— *Новая европейская общественность* до нѣкоторой степени напоминаетъ вѣкъ Перикла. На нашихъ глазахъ въ Европѣ исчезаетъ средневѣковый домъ и домашняя жизнь. Исчезаетъ очагъ семьи. Судя по безчисленному множеству кафе, кондитерскихъ, ресторановъ, столовыхъ, нынче даже семейные люди въ городахъ перестаютъ готовить дома. Проснувшись и вымывшись (впрочемъ и для этого есть всюду общественныя уборныя), бѣгутъ на улицу, каждый въ свое кафе. Пьютъ кофе, заваренный на триста человекъ, съ булками, заготовленными на шестьсотъ. Затѣмъ расходятся по конторамъ, мастерскимъ, канцеляріямъ, чтобы въ свое время идти въ ресторанъ завтракать, обѣдать, выпить пива, встрѣтиться со знакомыми. Какъ нѣкогда въ Аѳипахъ, дома болѣе не живутъ. На верхахъ цивилизаціи «домъ» вновь обращается въ берлогу для сна, хотя бы эта берлога была убрана шелками и была залита электричествомъ. Взрослые сливаются въ одну огромную семью, которая ходитъ волнами по улицамъ, площадямъ, заливая собою рестораны, общественныя собранія и театры. Даже дѣти втягиваются въ жизнь толпы. Хорошо это или дурно—другой вопросъ; я думаю, что это дурно, но жизнь въ Европѣ стремительно перестраивается, принимаетъ неудержимо социалистическія черты. Уже и трудъ социализированъ въ своемъ раздѣленіи до-нельзя. Социализируются развлечения, вкусы, интересы. Всюду частная собственность до такой степени запутана въ кредитѣ, что часто никакъ не добьешься, кому принадлежитъ та или иная великолѣпная недвижимость. Весьма возможно, что она принадлежитъ вамъ, какъ хозяину такихъ-то бумагъ. Социализированъ капиталъ, ибо онъ служитъ подъ флагомъ хозяина множеству рабочихъ. Взгляните также, какъ развить флиртъ въ этой веселой толпѣ и догадайтесь, кому принадлежатъ эти наряженные дамы и чья именно собственность ихъ дѣти. Вникая до чего всѣ въ этой толпѣ переплелись и тиранизированы другъ другомъ, вы чувствуете, что утопія Платона не такъ уже несбыточна. Если она не удалась 23 вѣка назадъ, то наши внуки могутъ, чего добраго, ее увидѣть. Когда городъ окончателно съѣстъ деревню, когда сословія сольются въ одно, когда правительствомъ станетъ толпа, а Богомъ—популярный вожакъ господствующей партіи, мы всѣ превратимся въ двуногихъ муравьевъ съ общественною, какъ бульваръ, душою, съ открытымъ, какъ проходной дворъ, сердцемъ. Единица потонетъ въ числѣ, и не будетъ болѣе человекъ, а лишь безчисленные человѣческіе экземпляры. Мнѣ кажется, изъ всѣхъ угловъ обширной Россіи маленькая Финляндія наиболѣе спѣшитъ

въ это чудесное будущее. Она прямо рвется въ двадцать первый вѣкъ, едва перешагнувъ въ двадцатый. („Новое Время).

— *Пріюты для священнослужителей.*—По сообщенію „Колокола“, многія епархіальныя начальства обратились въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть при архіерейскихъ домахъ пріюты для пріѣзжающихъ въ епархіальный городъ уѣздныхъ и сельскихъ священниковъ по дѣламъ своихъ приходовъ и для ставленниковъ на священныя должности, которымъ нерѣдко приходится жить въ губернскомъ городѣ по двѣ и по три недѣли.

— *О наградахъ штрафованнаго духовенства.*—Въ „Самарск. Епарх. Вѣд.“ опубликованъ указъ Св. Синода, вслѣдствіе ходатайствъ епархіальныхъ преосвященныхъ о неслучившемся препятствіемъ къ награжденію установленными для духовенства знаками отличія бытность подъ судомъ и штрафомъ, показываемую въ послужныхъ спискахъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Указомъ Св. Синода повелѣно: не считать препятствіемъ къ награжденію бывшихъ подъ судомъ духовныхъ лицъ установленными для духовенства знаками отличія, если они, отбывъ наказаніе, будутъ вести себя безупречно и если начальство дастъ о нихъ хорошей отзывъ. („Колоколь“).

— Св. Синодъ изъявилъ согласіе на образованіе особой комиссіи, которая займется *переводомъ библіи* и всѣхъ вообще богослужебныхъ книгъ съ церковно-славянскаго языка *на грузинскій*. Изданіе ихъ потребуетъ расхода свыше 200 тыс. руб. („Колоколь“).

— Съ нынѣшней зимы въ Петербургѣ возобновляется дѣятельность *религіозно-философскихъ собраний*, бывшихъ въ зиму 1902—1903 г. и съ тѣхъ поръ не возобновлявшихся. Уставъ собраний, выработанный за весну и лѣто настоящаго года, главнымъ образомъ, лицами, принимавшими участіе въ собраніяхъ 1903 г., по слухамъ, уже утверждёнъ и весь вопросъ за сформированіемъ нравственныхъ и умственныхъ силъ. На собраніяхъ будетъ происходить чтеніе рефератовъ на религіозно-философскія темы, а равно устраиваться дебаты по вопросамъ общаго положенія Россіи въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго ея состояніи („Колоколь“).

Редакторъ неофициальной части Священникъ **І. ПОПОВЪ**.

Печат. разрѣш. 20 октября 1907 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.
